

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

*Д.Н. ЗАМЯТИН***Геоспациализм.
Онтологическая динамика
пространственных образов**
**Статья 1. На пути к геоспациализму:
пространство и цивилизация
в зеркале гуманитарной
географии**

В статье рассматривается процесс трансформации представлений о взаимоотношении пространства и цивилизации: от географического детерминизма и POSSIBILISMA до “пространственного поворота” в общественном знании, в рамках которого автор вводит и обосновывает понятие “геоспациализм”.

Ключевые слова: пространство, гуманитарная география, детерминизм, POSSIBILISMA, геоспациализм.

In article a process of transformation of representations about mutual relations of space and civilization is considered. The way from geographical determinism and POSSIBILISMA to the “spatial turn” in social knowledge is demonstrated. The concept of “geospacialism” is entered and proved.

Keywords: space, humanitarian geography, determinism, POSSIBILISMA, geospacialism.

Введение новых терминов и понятий всегда требует особой осторожности (памятуя о “бритве Оккама”). Тем более нужно быть осмотрительным, предлагая очередной “-изм”. Тем не менее я попытаюсь ввести и серьезно обосновать новый термин – *геоспациализм*, – полагая, что это понятие может быть полезным при научном анализе различных политических, культурных, идеологических проблем, взятых в широких мировоззренческих и ментальных контекстах.

Попробую первоначально дать самое общее определение геоспациализма, выделив лишь несколько самых важных его признаков или характеристик. Дальнейшее исследование позволит конкретизировать это понятие и очертить его более четко. Итак, под геоспациализмом в самом широком смысле понимается дискурсивное поле как пространственности, так и со-пространственности. Предполагается, что в понятии геоспациализма заложены определенные онтологические “сколы”, “сдвиги”, “сломы”, имеющие отношение к пространственности и/или со-пространственности. Возможно

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

также, что при изучении геоспациализма могут оказаться важными и другие различного рода “геологические” образы и понятия.

Можно выделить *два ключевых понимания* геоспациализма – онтологическое и историческое (в методологическом ракурсе естественных наук – онтогенез и филогенез). Онтологическое понимание, или онтологическая интерпретация геоспациализма, есть способ постоянного видения, анализа, воображения пространственности, взятой в ее бытийной и бытийственной основе. В свою очередь, историческое, временное понимание геоспациализма означает рассмотрение, исследование его становления, трансформации от эпохи к эпохе; иными словами, предлагается видение геоспациализма как исторического развития пространственных образов. В исследовании историческое рассмотрение, по всей видимости, будет преобладать, однако онтологическая интерпретация также станет присутствовать, оставаясь как бы внутри доминирующего дискурса.

Только на первый взгляд может показаться философическим нонсенсом и сам подзаголовок исследования – *онтологическая динамика пространственных образов*. Пытаясь сочетать внешне несочетаемое, я попробую проследить, выражаясь в духе О. Шпенглера, историческую судьбу различных онтологий пространственности.

Географический фактор в генезисе и динамике цивилизаций

Понятие и образ цивилизации, взятые в их типологическом аспекте, представляют собой, с точки зрения гуманитарной и образной географии, не что иное, как очень важный и существенный этап в развитии представлений и образов земного пространства. Несомненно, что основное содержательное наполнение этого понятия произошло в эпоху Просвещения – тогда же, когда теория географического детерминизма получила свое мощное концептуальное оформление, прежде всего в трудах Ш. Монтескье. Не пытаясь непосредственно вывести одно из другого, можно, однако, уверенно сказать: интеллектуальный климат и контекст Просвещения способствовали пониманию значимости географического фактора в историческом развитии человечества, человеческих сообществ [Руссо, 1996, с. 349, 572–579, 597–599] и, поскольку концепт цивилизации и цивилизаций становится одним из ключевых в европейском (западном) дискурсе, также и в историческом развитии цивилизаций.

Заметным и неустранимым обстоятельством проникновения понятия цивилизации в толщу европейского дискурса стало очевидное признание западными наблюдателями, исследователями, путешественниками, мыслителями, философами явного различия между западными и восточными культурами, между развитыми в политическом и социально-экономическом плане культурами Западной Европы и архаическими культурами Африки, Азии, Австралии и Америки и – как следствие – подтверждение онтологической правильности давней, берущей свое начало с античной эпохи, дискурсивной оппозиции цивилизация/варварство [Тойнби, 1991; Леви-Строс, 2000; 1994; Вернан, 1988; Видаль-Накэ, 2001; Восток–Запад... 1982–1988; Сравнительное... 1998; МакНейл, 1998; Эйзенштадт, 1999; Исаева, 2000; Крюков, Малявин, Софронов, 1987; Яковенко, 1995–1996; Нойманн, 2004; Терин, 2003]¹. Не будет преувеличением сказать, что, начиная с эпохи Просвещения, образ цивилизации имеет во многом географические концептуальные основания, а географическое положение практически любой цивилизации и культуры приобретало, с точки зрения интерпретатора, не только феноменологический, но и онтологический статус. Это проявляется уже в образной насыщенности философско-культурологических терминов “Запад” и “Восток”. Существенно также отметить, что в течение XIX в. этому идеологическому процессу способствовало активное распространение и применение понятия “варварство”, взятого также по преимуществу в его культурно-локальных срезах – причем не только в негативных, но и в позитивных аксиологических коннотациях (противопоставления типа “дряхлая цивилизация – молдое и активное варварство”) [Сармьенто, 1995; Сравнительное... 1998, с. 437–464].

¹ См. также специфическую версию этой проблематики в концепции фронта, получившей развитие на материале истории США, а затем и других стран [Turner, 1894; Shaw, 1983].

Пытаясь рассмотреть роль и значение географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, приходится отказываться от дихотомии цивилизованные/нецивилизované страны, так хорошо работавшей на протяжении всей эпохи расцвета естественно-научного и исторического позитивизма, опиравшегося на интеллектуальные достижения Просвещения. Между тем уже в эпоху позитивизма многим исследователям стал понятен неоднозначный, сложный и не всегда прямо объяснимый характер воздействия географических условий на развитие цивилизаций, особенно ясный в случае сравнения особенностей динамики разных цивилизаций в примерно одинаковой по природно-климатическим показателям географической среде.

Цивилизация стала постепенно осознаваться как пространственно изменчивое явление, как, безусловно, территориальный феномен, при изучении которого приходится обращать внимание и на культурную диффузию, взаимодействие и обмен между соседними, а иногда и отдаленными цивилизациями, и на пространственную динамику самой цивилизации, изменяющейся в ходе своего территориального расширения, сжатия или перемещения не только собственно физико-географические параметры и рамки своего существования, но и собственные представления о географической среде и способах адаптации к ней [Февр, 1991; Витвер, 1998; Бродель, 2002].

Осмысление роли культурно-географического пространства для развития цивилизаций, как правило, связывают с концепциями Н. Данилевского, О. Шпенглера и Дж. Тойнби. Несмотря на большие содержательные различия – как по методологии, так и по сути их теоретических построений – можно сказать, что концепт локальных цивилизаций, представляемых как пространственно-временная целостность (фактически – территориальный гештальт), был принят и стал “рабочим инструментом” не только в философско-культурологических или историософских штудиях, но и во внешне позитивистских по духу исторических, этнологических и культурно-географических исследованиях. Географическое пространство стало пониматься как активная среда, способствующая выработке своего рода цивилизационного самосознания; сама по себе локальная цивилизация уже не рассматривалась как нечто внешнее по отношению к территории, где она формировалась и существовала; понятие ландшафта/культурного ландшафта стало просто необходимым при научных описаниях и характеристиках практически любых цивилизаций [Zelinsky, 1973; The Interpretation... 1979; Tuan Yi-Fu, 1990; Schama, 1996; Murrey, 2001; Studing... 2003].

В методологическом плане понятие варварства, идеологически не столь оформленное с точки зрения значимости географического фактора в его развитии, стало постепенно частью комплекса более общих научных представлений о географической среде и географическом пространстве цивилизаций. По существу, варварство оказалось не равноценным концептуальным элементом в оппозиции цивилизация/варварство, а попросту дополнительным понятием, помогающим изучать и объяснять особенности динамики цивилизаций на их территориальных окраинах – там, где этим цивилизациям приходится вырабатывать новые стратегии адаптации к непривычной географической среде и взаимодействовать с другими цивилизациями, уступающими им в политической и социальной организации, а также с точки зрения технико-экономического уровня развития. Так или иначе, понятие и образ варварства остается до настоящего времени маркером цивилизационно-пространственного перехода, резкого слова, сигнализирующего о существенном дисбалансе между внутренними представлениями цивилизации о самой себе и ее внешними консолидированными представлениями, помогающими ей, как это ни странно, обрести собственную геопропространственную идентичность (понятно, что образ варварства может быть обоюдоострым идеологическим “оружием” – это быстро проявляется в периоды политических и военных конфликтов и войн).

Три когнитивных уровня анализа проблемы

Когнитивная схема уровней рассмотрения географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций (синхрония) в общих чертах совпадает с примерной линией развития самих научных представлений о роли и значении природной (географиче-

ской) среды, географических условий в становлении и воспроизводстве цивилизаций (диахрония). В общем виде можно говорить о трех когнитивных уровнях: *географический детерминизм*, занятый поиском строгой причинной связи между географическими условиями и закономерностями развития конкретной цивилизации; *географический поппобилизм*, утверждающий вероятностную связь между всеор природно-географических ограничений и возможностей и способами географической адаптации определенной цивилизации в их динамике; и наконец, геоспациализм, или *геоспациализм*, (термин и понятие введены мной. – Д.З.), в рамках которого локальная цивилизация и географическая среда представляются неразрывными частями, элементами цивилизационно-пространственной целостности (образа, историко-географического образа). Более подробно характеристика каждого уровня будет дана ниже, здесь же отмечу, что эти уровни не отрицают друг друга при изучении какого-либо четко ограниченного пространственно-временными параметрами цивилизационного феномена. В то же время отмеченный выше диахронический момент (развитие самих представлений) ведет к появлению вполне полноценных научных исследований, чей дискурс может быть ограничен лишь одним когнитивным уровнем (другой вопрос, что в каждую конкретную историческую эпоху может отмечаться преобладание, доминирование того или иного дискурса, борьба, сосуществование дискурсов и т.п.).

Географический детерминизм как исследовательский дискурс

Географический детерминизм как специфический исследовательский дискурс основан на предположении, что “природа”, природные условия, климат, географические условия, географическая среда в целом представляют собой своего рода внешних агентов, воздействующих в той или иной степени на развитие человеческих сообществ, культур и цивилизаций. По существу, в когнитивном отношении географический детерминизм является сочетанием крайней (сильной) степени абстрагирования (по-скольку “природа”, осознанно или неосознанно, считается вынесенной как бы за рамки собственно активных и меняющихся человеческих представлений и не зависимой в своем образе от них) и в то же время жестких мыслительных алгоритмов прикладного характера, действующих, как правило, в рамках обыденной логики.

Это одновременно есть и положительное, и отрицательное свойство географического детерминизма, так как выводы о влиянии географического фактора на развитие цивилизаций в контексте данной парадигмы опираются чаще всего на ряды вполне достоверных и проверенных естественно-научных и этнографических наблюдений, географических описаний, исторических фактов, организованных вполне корректно с точки зрения обыденной логики. Однако сам образ географического фактора, географических условий, географической среды оказывается “вынесенным за скобки”, непроработанным, интуитивно “отброшенным” за методологической и практической “ненадобностью”. Такая формулировка остается верной и при учете тех теоретических и методологических изменений, которые произошли в традиционной науке и в традиционных научных парадигмах в течение XIX–начале XX в. в ходе открытия эволюционизма, принципов комплексности, создания эволюционной концепции и принятия их “на вооружение” в геологии, биологии, географии [Hoskins, 1985; Дулов, 1983].

Так или иначе, с помощью географического детерминизма удается обнаружить и зафиксировать весьма существенные аспекты, связанные с ролью географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, которые отнюдь не исчезают в результате их технологического, социального и политического развития, а просто приобретают другой когнитивный и практический контекст. Подобная трансформация географического детерминизма проявляется, как ни странно, в двух совершенно разных формах. Во-первых, во все более скрупулезных и детальных исторических, этнографических, географических исследованиях цивилизаций прошлого в их взаимосвязи с окружающей природной средой (например, изучение формы жилищ, маршрутов передвижения, территориальной организации производства, антропогенных ландшафтов). Во-вторых, наряду с этим, в рождении и устойчивом идеологическом и культурном

воспроизводстве геополитических концепций, теорий развития империализма, традиционалистских построений паранаучного характера, опирающихся на онтологически сакральную значимость того или иного географического положения [Хаусхофер, 2001; Цымбурский, 2007; Генон, 2004].

В любом случае географический детерминизм оказывается, с одной стороны, вполне “работающим” на традиционных локальных участках социальных и естественных наук, не претендующих на трансцендентальный характер результатов своих исследований; с другой – сами когнитивные формы репрезентации и интерпретации географо-детерминистских построений стали более расширенными и открытыми с точки зрения экологизма, энвайронментализма, ноосферных концепций. Можно сказать, что методологически образ географического фактора, природы как таковой в современном географическом детерминизме сильно расширился, хотя “природа” в данных концептуальных рамках так и остается вне какой-либо включенной в логическое мышление образной рефлексии и образной динамики – способствуя тем самым, как ни парадоксально, все новому и новому возрождению ярких геоцивилизационных концепций и теорий с явно иррациональной подосновой или “подложкой” (как, например, концепция евразийцев [Серио, 2001], теория “гидравлических обществ” и “восточного деспотизма” К. Витфогеля [Wittfogel, 1957; 1970] или концепция Л. Гумилева).

Геопоссибилизм: методология анализа

Геопоссибилизм, оформившийся концептуально приблизительно в 1910–1920-х гг. благодаря трудам П. Видаля де ла Блаша, а затем работам французской исторической школы “Анналов” (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и их последователи во Франции и других странах), с одной стороны, тесно примыкает к географическому детерминизму, а с другой – совершает качественный методологический “скачок”, “рывок”, с помощью которого исследования геоцивилизационного характера приобретают гораздо большую гибкость и теоретическую действенность. Главное, что свойственно геопоссибилизму в методологическом отношении, в отличие от геодетерминизма, – это представление о вероятности воздействия географического фактора на развитие отдельных цивилизаций, когда тот или иной элемент природно-климатических условий, тот или иной аспект географического положения трактуется достаточно “мягко” – иначе говоря, предполагается, что цивилизация, в зависимости от определенных обстоятельств (случайных или закономерных) может “заметить” или “не заметить” потенциально положительное или отрицательное воздействие конкретных параметров собственной географической среды на ее динамику.

Другими словами, всякое цивилизационное исследование в рамках концепции геопоссибилизма становится, по сути, геоцивилизационным. Цивилизация не вычленяется из географического пространства и географической среды как некий посторонний, инородный объект. Она представляется “органичной” для данного географического пространства, и именно из этого положения проистекают как очевидная вариативность спектра способов адаптации к природно-климатическим условиям, к географическому положению, так и сама “мягкость” определений конкретных составляющих географического фактора.

Цивилизация здесь всегда рождается в конкретном географическом пространстве и во многом обязана именно ему своим своеобразием, своей культурной, политической, экономической спецификой. Ее динамизм проявляется и в расширении спектра способов адаптации к окружающей среде, что отражается в возникновении все новых типов свойственных ей культурных ландшафтов. Характерно при этом, что геопоссибилизм не теряет “вкуса” к изучению мелких, подробных деталей взаимодействия цивилизаций и культур с географической средой [Бродель, 1994], что характерно и для геодетерминизма. Но в отличие от детерминизма, геопоссибилизм имеет иные целевые установки и иные контексты для исследования таких деталей, и это ведет зачастую к совершенно другим теоретическим и методологическим выводам.

Следует обратить внимание, что в рамках геопоссибилизма частично теряет свой концептуальный смысл понятие географического фактора. Поскольку любая цивилизация имеет свои естественные географические “корни” и обладает в соответствии с этим определенным набором географических представлений, культурных ландшафтов, неких условных “слепок”, когнитивных фреймов, связанных с решением конкретных пространственно-средовых ситуаций, то географический фактор сам по себе интровертируется, “овнутряется”, становится стабильной, постоянной цивилизационной интроспекцией, для обозначения которой, как правило, чаще пользуются понятием географической среды. “Природа” (а точнее – образ природы) в таком случае обретает черты переходного феномена с двойным онтологическим статусом. Он признается когнитивно необходимым при исследовании феномена цивилизации вообще и при изучении взаимодействия определенной цивилизации с географической средой. В то же время “природа” остается все же неким тотальным внешним “зеркалом” для всякой цивилизации, но ее образ, абсолютно внешний по отношению к самим методологическим и теоретическим манипуляциям и приемам, присущий, например, геодетерминизму, как бы размывается, растекается. “Природа” разделяется на отдельные когнитивные участки, области, в пределах которых отдельные характеристики ее образа осмысляются как свои, “домашние” для данной цивилизации, локализуются и “доместицируются” как уже внутренние характеристики типичных культурных и цивилизационных ландшафтов (например – типичный средиземноморский ландшафт, типичный китайский ландшафт, типичный европейский ландшафт).

Геоспациализм: возникновение и развитие

Предпосылки к формированию новой научной парадигмы, которую можно назвать *геоспациализмом*, начали возникать и развиваться в последней четверти XX–начале XXI в. По всей видимости, понятия постмодерна и глобализации являются необходимыми коррелятами понятия геоспациализма, однако геоспациализм понимается здесь одновременно и уже, и шире, нежели два первых, более устоявшихся понятия. Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определенной цивилизации, оперирующей свойственными ей географическими образами [Замятин, 2002; 2003^a; Саид, 2006]. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идет о том, что всякая локальная цивилизация уже в своем генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют “коды” такой адаптации.

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причем и человеческое мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций². Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный поворот к разворачиванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900–1930-м гг., когда резко активизировавшиеся процессы политико-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными “взрывами” в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика

² Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства [Lefebvre, 1991].

пространства и его интерпретации выходит на первый план [Флоренский, 2000; 1990; 1993; Ухтомский, 2002; Пановский, 2004; Хайдеггер, 1997; Генон, 2003; 2004; Юнгер, 2000; Беньямин, 1996; Арто, 1993; Бахтин, 1975; 1986; Органика... 2000]³.

Не углубляясь в подробное рассмотрение генезиса и содержания геоспациализма, взятого в широком смысле, стоит лишь отметить, что основные концептуальные членения современной географии и ее дисциплинарная матрица как раз и начали “отвердевать” в первой половине XX в. [Джеймс, Мартин, 1988]. Примерно в это же время происходит теоретическое оформление хорологической концепции в географии, зародившейся в первой половине XIX в. и ставшей одной из наиболее влиятельных географических концепций, начиная с 1920-х гг. до настоящего времени [Риттер, 1853; Геттнер, 1930; Замятин, 1999]; в этом смысле можно говорить, что фундаментальная проблематика современной географии есть порождение решительного цивилизационного поворота к геоспациализму, и в то же время она может фиксироваться как одна из его существенных черт и проявлений.

Возвращаясь к вопросу о геоспациализме, взятом в узком смысле – применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географического пространства, следует остановиться на трех основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических “ножниц”, связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы ее доминирующие географические образы [Классический... 2003; Франкфорт... 1984; Кэмпбелл, 2002; Кнабе, 1985; Топоров, 1993; Ошеров, 2001; Подосинов, 1999; 2000]. В такой когнитивной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чужой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных межцивилизационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций. Второй момент: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причем даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто: см. классические образцы подобного “геомессианства” на примере США [История... 2005]), сколько экономически и культурно. Образцы и стереотипы определенного цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся на сакральные представления и господствующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую “переформатируя” их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций⁴. Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку

³ В живописи – это возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество П. Пикассо, В. Кандинского, М. Шагал, К. Малевича, П. Филонова, группы “Зор-вед” (М. Матюшин и его последователи). В музыке – прежде всего А. Шёнберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения М. Пруста, Ф. Кафки, Дж. Джойса, А. Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Естественно, что всех упомянуть здесь невозможно, я концентрирую внимание на наиболее важных явлениях и авторах в рамках данной темы.

⁴ Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см. [Дарвин, 1975; Кюстин, 1996; Холландер, 2001].

ментальные продукты самостоятельной, сформировавшейся цивилизации обладают, как правило, определенной пространственной синергией. Они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный “дефицит” или цивилизационный “голод”. Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава, – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной [Кин, 1972]). Подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковывающими, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на ее новые пространственные рубежи. Третий момент акцентирует внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов (образно-географических карт), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная “картография” предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизационных границ, часто совпадающих с политическими границами [Замятин, 2000; 2001; 2003⁶; 2006].

Цивилизация в геоспациальном контексте – это, скорее, пространственный образ геопространства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения [Андерсон, 2001; Грузински, 1993]. Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация, вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

Как же содержательно соотносится геоспациализм с географическим детерминизмом и географическим попсибилизмом? Сразу стоит указать, что все три описанных кратко концепта, или парадигмы, являются лишь ментальными, когнитивными схемами; в действительности, практически любое исследование географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций представляет собой чаще всего, в той или иной пропорции, сочетание двух или трех описанных схем [Гаравалье, 1993]. Тем не менее можно говорить об определенном методологическом и идеологическом “мейнстриме”, господствующем в ту или иную историческую эпоху и оказывающем влияние на большинство научных, научно-популярных работ, а также их репрезентации в обыденной или массовой культуре.

В качестве графического выражения содержательного взаимодействия всех парадигм можно представить три концентрические окружности, вставленные одна в другую. Самую маленькую из них можно уподобить геодетерминизму, среднюю – геопоспсибилизму, а самую большую – геоспациализму. Интерпретация такого изображения может быть следующей: так же как механика И. Ньютона не была отменена теорией относительности А. Эйнштейна, лишь область ее применения была ограничена и локализована, также и появление геопоспсибилизма, а затем и геоспациализма привело не к отмене геодетерминизма, но лишь к сужению той когнитивной области, в рамках которой геодетерминистская парадигма достаточно эффективна в научно-исследовательском и обыденном планах (то же верно и в отношении геопоспсибилизма к геоспациализму).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Арто А.* Театр и его двойник. М., 1993.
- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 1. Роль среды. М., 2002.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? В 2 кн. Кн. I. Пространство и история. М., 1994.
- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
- Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
- Витвер И.А.* Французская школа географии человека // *Витвер И.А.* Избр. соч. М., 1998.
- Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1982–1988.
- Гаравалья Х.К.* Люди и среда в Америке: о понятия “необходимости” и “вероятности” // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
- Генон Р.* Избр. соч. Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.
- Генон Р.* Символика креста. М., 2004.
- Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы. Л.–М., 1930.
- Гране М.* Китайская мысль. М., 2004.
- Грузински С.* Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
- Дарвин Ч.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле “Бигль”. М., 1975.
- Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры. М., 1988.
- Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV–середина XIX в. М., 1983.
- Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // ОНС. 2001. № 1.
- Замятин Д.Н.* Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Происхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003^a.
- Замятин Д.Н.* Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2.
- Замятин Д.Н.* Геополитика образов и структурирование метапространства // Полис. 2003^b. № 1.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.
- Замятин Д.Н.* Методологический анализ хронологической концепции в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1999. № 5.
- Замятин Д.Н.* Структура и динамика политико-географических образов современного мира // Полития. 2000. Осень. № 3 (17).
- Исаева М.В.* Представления о мире и государстве в Китае в III–VI вв. н.э. (по данным “нормативных описаний”). М., 2000.
- История США. Хрестоматия. М., 2005.
- Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720–1830. М., 1972.
- Классический фэншуй. Введение в китайскую геомантию. СПб., 2003.
- Кнабе Г.С.* Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. В 2 т. Т. II. М., 1985.
- Крюков М.В., Маякин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже Средневековья и Нового времени. М., 1987.
- Кэмпбелл Дж.* Мифический образ. М., 2002.
- Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. В 2 т. М., 1996.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Леви-Строс К.* Путь масок. М., 2000.
- МакНейл У.* Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.
- Нойманн И.* Использование “Другого”: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

- Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М., 2000.
- Ошеров С.А.* Найти язык эпох (от архаического Рима до русского Серебряного века). М., 2001.
- Панофский Э.* Перспектива как “символическая форма”. Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
- Подосинов А.В.* Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение. М., 2000.
- Подосинов А.В.* *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Риттер К.* Идеи о сравнительном земледелии // *Магазин земледелия и путешествий*. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым. В 2 т. Т. II. М., 1853.
- Руссо Ж.-Ж.* Избр. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 1996.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.
- Сервио П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М., 2001.
- Сармьенто Д.Ф.* Избр. соч. М., 1995.
- Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998.
- Терин Д.Ф.* “Цивилизация” против “варварства”: к историографии идеи европейской уникальности // *Социологический журнал*. 2003. № 1.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991.
- Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. К “средиземноморской” персонологии. В 2 ч. Ч. I. М., 1993.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002.
- Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
- Флоренский П.А.* Иконостас. Избр. труды по искусству. СПб., 1993.
- Флоренский П.А.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000.
- Флоренский П.А.* Соч. В 2 т. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.
- Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001.
- Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978). СПб., 2001.
- Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1992–2006. М., 2007.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
- Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2000.
- Яковенко И.Г.* Цивилизация и варварство в истории России // *ОНС*. 1995. № 4, 6; 1996. № 3, 4.
- Hoskins W.G.* The Making of the English Landscape. London, 1985.
- The Interpretation of Ordinary Landscapes. Geographical Essays. New York–Oxford, 1979.
- Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford, 1991.
- Murray J.A.* Mythmakers of the West: Shaping America’s Imagination. Flagstaff, 2001.
- Schama S.* Landscape and Memory. New York, 1996.
- Shaw D.J.B.* Southern Frontiers of Muscovy. 1550–1700 // *Studies in Russian Historical Geography*. London, 1983.
- Studing Cultural Landscapes. New York, 2003.
- Tuan Yi-Fu.* Topophilia: a Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York, 1990.
- Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // *Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin*. 1894. № 41.
- Wittfogel K.A.* Agriculture. A Key to the Understanding of Chinese Society, Past and Present. Canberra, 1970.
- Wittfogel K.A.* Oriental Despotism: a Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.
- Zelinsky W.* The Cultural Geography of the United States. Englewood Cliffs (N.J.), 1973.